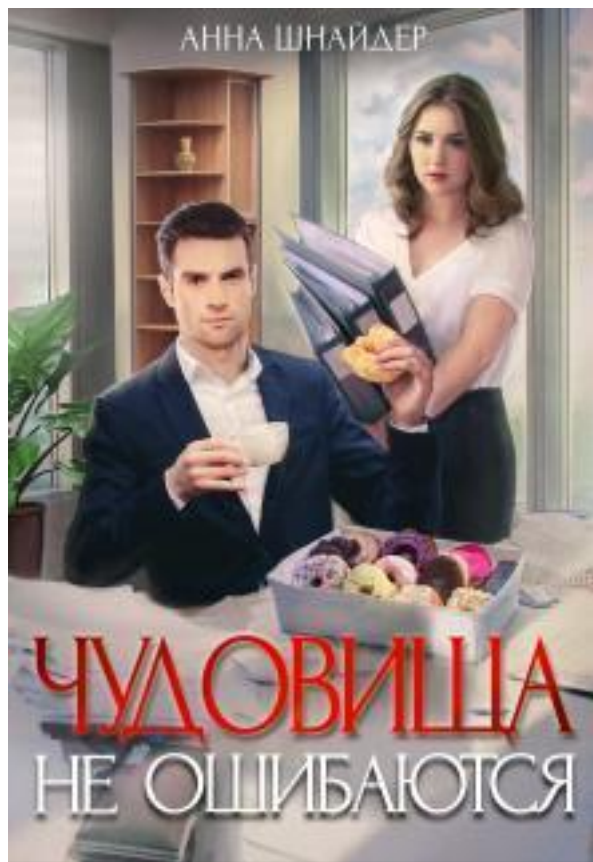

АННА ШНАЙДЕР

Анна Шнайдер

Чудовища не ошибаются

<https://litres.ru/74204723>

Аннотация

Трудно жить и работать, когда твой сексуальный босс - чудовище с девизом: "Я не прощаю ошибок". А уж если ты, невняв предупреждениям, сама полезла к нему в секретарши... то берегись, Олеся...

История Макса Юрьевского - "Максималист".

Содержание

1	4
2	12
3	24
4	36
5	47
6	55
7	63
8	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

1

Мой самый худший кошмар — это не прозвонивший с утра будильник. На всякий случай каждый вечер я завожу целых два будильника — вдруг один сломается?

Надо было заводить три...

Потому что сегодня утром оба будильника промолчали с поразительным единодушием. И вместо того, чтобы встать в шесть утра, я только проснулась в восемь.

Это просто кошмар. Катастрофа. Хуже не придумаешь.

Кто бы мог подумать, что спустя всего месяц после начала работы на новом месте я обзаведусь не только профессионально приклеенной к лицу вежливой улыбкой, но и самой настоящей паранойей? А всему виной он. Конечно, мой босс.

Честно, он хуже двух непрозвонивших с утра будильников. Хуже давки в метро. Хуже цунами. Я порой даже сомневаюсь, что он вообще человек. Люди такими не бывают!

Но давайте по порядку...

Что делают обычно после окончания школы? Конечно, поступают в институт. Но увы, я была лишена этой радости. Сразу после выпускных экзаменов у отца случился тяжелый инсульт, от которого он так и не смог оправиться. Мама была вынуждена уволиться с работы, чтобы сидеть с ним, а я, наоборот, пошла работать. Я планировала, что через го-

док-другой, когда папа более-менее придёт в себя и станет менее беспомощным, я смогу начать учиться, но... мама так переживала за него, что тоже заболела. У неё диагностировали рак лёгких.

В общем, институт мне светил примерно так же, как отдых на Мальдивах. Работа, работа, и ещё раз работа. У меня даже молодого человека не было. Нет, один был, но долго не продержался — рухнул под гнѐтом моего несовершенного мира.

Я не жалуясь, нет. Я устроилась на хорошую работу в фармацевтическую компанию. Сначала была просто девочкой на побегушках, потом меня сделали секретарем отдела продаж, а затем — помощником начальника этого отдела. И платили очень щедро для обычного секретаря без образования. Но я действительно старалась, до безумия боясь потерять работу. И маме, и папе была периодически нужна дорогая терапия, на которую никто, кроме меня, зарабатывать не мог.

Так прошли четыре года. И денег всё больше и больше стало не хватать. Цены росли, зарплата не повышалась. Типичная ситуация в нашей стране. Я уже начинала паниковать, как вдруг услышала — генеральному директору нужен секретарь.

Про нашего генерального я слышала много «хорошего». Звали его Владлен Михайлович Разумовский, было ему лет тридцать с гаком, и характером он обладал отвратительным. Примерно как вкус у брюссельской капусты, если вы пони-

маете, о чём я.

Разумовский терпеть не мог, когда его называли Владленом или того хуже — Владленом Михайловичем — только Владом. Но это была одна из самых нормальных его причуд, как я позже узнала.

Когда я выяснила, что место секретаря генерального вакантно, то решила пойти на поводу у собственной жадности и отправилась в отдел кадров.

— Генеральному нужен секретарь? — сказала я, заходя туда и гордо выпячивая грудь. — Я готова.

Отдел кадров дружно меня пожалел. Я тогда подумала, это из-за характера Разумовского, но теперь понимаю — нет. Они просто абсолютно справедливо сочли меня обделённой мозгом от природы.

Но всё же позвонили генеральному и сообщили, что у них тут новый кандидат. «Ведите» — кратко произнесли в трубке, и я сглотнула. Как? Что?! Прямо сейчас?!

— Сейчас, сейчас, — кивнула начальник отдела кадров и, покосившись на моё личное дело, добавила: — Ничего, Олеся, пять минут позора — и ты свободна.

Лучше бы она была права!

Кабинет Разумовского был на следующем этаже, и поднималась я туда на негнущихся ногах. За все четыре года я в его приёмной была только один раз, когда однажды меня попросили туда кофе занести — кончился. А уж в кабинете генерального я вообще не была. И даже не мечтала.

Приёмная показалась мне огромной. Два здоровенных белых дивана, белые же ковры — господи, по ним же ходить страшно! — и секретарская стойка. И всё такое стерильное, как в больнице. Или в морге.

— Заходите, — кивнула мне девушка, сидящая за стойкой. Кажется, она была временным секретарём Разумовского.

Я попыталась улыбнуться, но не смогла, поэтому решила держать лицо кирпичом. Лучше так, чем с перекошенной физиономией. Толкнула дверь, сделала несколько шагов, запнулась о ковёр — снова белый! — и чуть не грохнулась лбом об пол. Почти чудом удержалась на ногах и, выпрямившись, застыла, уставившись на Разумовского.

В таких мужчин влюбляются женщины, да. И я в тот момент почти в него влюбилась. Широкие плечи, идеальный тёмный костюм, светлая рубашка, серый галстук. Короткие почти чёрные волосы, и глаза такие же — как ночное небо. Только без звёзд. Звёзды у меня в глазах закружились, когда я на него посмотрела.

Красавец. Хоть женись. Тьфу, то есть замуж выходи.

А потом он открыл рот, заставив меня пожалеть обо всём на свете. Даже о том, что я на этот самый свет родилась.

— Вы мне не подходите, — процедил и наклонил голову, возвращаясь к чтению каких-то важных документов.

Надо было разворачиваться и бежать, крестясь и обливаясь святой водой. Но... черт меня дернул брякнуть:

— Это почему?

Разумовский поднял на меня тёмные глаза. Оглядел всю, будто бы раздев. Кажется, я покраснела.

— Вам озвучивать все причины, или достаточно будет одной? — спросил с лёгкой насмешкой.

— Все, — сказала я, а потом добавила: — Это повод поработать над собой.

— Ладно. — Он пожал плечами. — Тогда начнём сверху вниз. Во-первых, у вас ужасная причёска. Во-вторых, вы носите очки. В-третьих, вы кошмарно одеваетесь. В-четвёртых, у вас неподходящая фигура. Всё это создаёт неэстетичный вид.

И опять чёрт меня дёрнул воскликнуть:

— Эстетичный вид — единственное, что вас волнует в кандидате на эту должность?! А мозги совсем не требуются?!

Разумовский прищурился, разглядывая меня.

— Надо быть последовательным. Сначала внешность, потом мозги.

Конечно, он был прав. Но я возразила:

— Последовательность — это хорошо, но должны быть приоритеты. Что важнее-то — внешность или мозги?

— Равноценно.

Я даже руками всплеснула.

— Причёску я изменю, очки уберу, одеваться буду классически — чёрная юбка, белая блузка. Фигура, конечно, не модельная, но ведь это дело вкуса! Зато у меня есть мозги.

Сколько у вас уже кандидаток перебывало? Пять, десять?..

— Восемнадцать, — уточнил Разумовский. Он всегда был очень точен.

— Ну вот видите! И все были красивые. А с мозгами были?

— Не было.

— Вот! Правильно расставленные приоритеты творят чудеса. Возьмите меня. Может, я не очень красивая, зато с мозгами.

Сейчас я бы уже поспорила с этим утверждением...

Генеральный задумался. Оглядел меня ещё раз с ног до головы. Я постаралась посильнее выпятить грудь и как можно сильнее втянуть живот. Чтобы он видел, как я уже стараюсь работать над своим эстетичным видом.

Разумовский хмыкнул и провозгласил то, что стало моим приговором:

— Я вас беру. Но с условиями. Во-первых, секретарь должен приходить раньше начальника и уходить позже. Прихожу я в девять, значит, вы должны быть на работе раньше. Лучше — в восемь.

Я глубокомысленно кивнула. Хотя в шесть. Любой каприз за ваши деньги.

— Во-вторых, секретарь должен уходить позже начальника. Ухожу я... как придётся. Иногда в четыре, а иногда и в десять вечера. То есть график ненормированный. Вы к этому готовы?

— Готова! — Чуть честь не отдала... Вот уж точно — генеральный. Генерал хренов!

— В-третьих, вы должны выглядеть прилично. У вас с внешностью и так проблемы, поэтому следите за собой. Не обязательно белый верх и черный низ, просто одевайтесь нормально. И никаких джинсов.

Эх, джинсики мои, родимые. Я буду по вам скучать.

— В-четвертых, утром по приезду я всегда пью кофе. Чёрный, без сахара, одну чашку. — Меня передёрнуло. — Запомните. В двенадцать — чай. С двух до половины третьего у меня обед. Обед привозят в офис, сразу проносите ко мне в кабинет. Вы тоже можете обедать в это время, телефон переключайте на секретаря коммерческого директора, у нас с ней договоренность. Она переключает свой телефон на наш с часа до половины второго. Запомните.

Да запомнила я, запомнила. Что тут запоминать-то... Тоже мне, бином Ньютона.

— В-пятых. Я терпеть не могу ошибки. Любые ошибки — орфографические, пунктуационные, ошибки в цифрах или расчётах... Будете ошибаться — уволю. Это понятно?

Конечно. Что тут может быть непонятного! Кажется, я буду работать у чудовища. Только чудовище может считать, что люди не ошибаются. И не ошибаться самому.

— И наконец, в-шестых. Никаких личных дел во время работы. Телефонные звонки, социальные сети, скайп — ничего. Поняли меня?

А вот это плохо. Я периодически звонила маме, узнавала, как у них дела, как они себя чувствуют, что делают.

Ну ничего. Прорвёмся.

— Вопросы есть?

— Да, — я ещё сильнее выпятила грудь. — В туалет можно выходить?

Губы Разумовского чуть дрогнули.

— Можно. Но не засиживайтесь.

Вот так и начался мой персональный кошмар. Знаете песенку про «вместо сердца пламенный мотор»? Вот это про Разумовского. У него вообще пламенный мотор вместо всего организма.

Я постоянно принимала звонки, носилась по его поручениям, как бешеный заяц. На работу он приходил не в девять, а чаще всего половина девятого, и сразу начинал меня мучить. То кофе слишком кислый, то монитор не блестит, то ручки у него кончились, то кондиционер сломался, то просто жизнь не удалась. Я старательно улыбалась и кивала — только бы не уволил.

Внешностью я по-прежнему не выделялась, но он, кажется, смирился. В школе меня дразнили Карлсоном за пухлый вид и комбинезончики. Комбинезончики ушли в прошлое, пухлый вид остался. Рост у меня низкий, грудь и бедра — крутые, но талия есть, хоть и не сказать, чтобы очень тонкая. Сантиметров восемьдесят. Много? Ну так и грудь сто десять. Я считаю, это хорошо. Вот когда параметры сто тридцать-сто сорок-сто пятьдесят — вот это уже печально. Но и то — жить можно. Как говорил мой любимый Карлсон — дело-то житейское.

Но я отвлеклась. Волосы у меня каштановые, густые, до лопаток. В тот день, когда я впервые попала к Разумовскому,

они просто были не очень чистые. А так, если помыть, расчесать да косу заплести — загляденье.

Кожа у меня белая, и не загорает никогда нормально, обгорает только. Особенно нос. А глаза обычные, среднестатистические — серо-голубые.

В общем, зря он так. Нет у меня проблем с внешностью. Недоразумения есть, а проблем — нет!

А вот у Разумовского проблемы были. Но не с внешностью. С характером! Как так можно жить, не знаю. Не улыбнётся, не пошутит. Одна работа на уме. Да ещё и кофе пьёт — чёрный и без сахара... Хорошо хоть обедает нормально. Раз обедает — значит, живой. Был бы робот — не обедал. Ну, наверное. Я же с роботами не знакома... Есть ведь куклы, которых кормить можно?

Больше всего Разумовский не любил, когда я опаздывала. Хотя как, опаздывала... Я приходила за десять минут до его приезда и просто ещё не успевала ни в туалет сбегать, ни толком отдышаться. Ему не нравилось. Он поджимал губы и смотрел на меня очень недовольным взглядом — противным, но хотя бы похожим на человеческий, а не на взгляд робота с пламенным мотором вместо сердца.

Но в целом я к нему привыкла, как привыкаешь к соседям с постоянно гавкающей собакой или к шуму скоростной магистрали. Раздражает, но куда деваться?

Примерно через две недели после начала работы Разумов-

ский меня особенно впечатлил. Я, конечно, с первого дня поняла, что вместо генерального у нас чудовище, но не представляла, насколько.

К боссу приехала делегация иностранных партнеров. Немцы, китайцы, американцы... Куча народу. Все они потащились в переговорную и стали заказывать себе различные напитки, кофе и чай. Записав все пожелания в блокнотик и вежливо улыбнувшись, я подошла к Разумовскому и тихо сказала:

— Прощу прощения, но одна я не справлюсь с таким количеством напитков... Могу я позвать пару девушек себе в помощь?

Босс милостиво кивнул.

Помочь мне разносить дорожные чашки на блюдечках вызвались секретарь коммерческого директора и молодая длинноногая девушка из бухгалтерии. Я готовила кофе и чай как заведённая, а они с любезными улыбками должны были доставлять их по адресу.

Минут десять всё было в порядке, а потом из переговорной послышался звон, чей-то вскрик, и спокойный голос Разумовского:

— Ты уволена.

Я застыла, не дыша и не решаясь положить на блюдечко второй кусок сахара. Секундой спустя из переговорной выскочила длинноногая Катя вся в слезах, следом за ней вышла Алла Михайловна — секретарь коммерческого директора.

— Чего случилось-то? — прошептала я, косясь на переговорную — там возобновился диалог, как будто ничего не произошло.

Алла Михайловна вздохнула и ответила, неловко похлопывая по спине рыдающую Катю.

— Да она кофе разлила. Вот Влад и рассердился.

У меня даже в глазах потемнело. Кофе разлила?! Вот же ерунда! В конце концов, она не профессиональная официантка!

Только я открыла рот, чтобы выразить своё возмущение, как из переговорной раздался громкий голос босса:

— Олеся, вы там заснули? Мы ждём!

Возмущённо затрепетав ноздрями, я тоже похлопала по спине Катю, подхватила чашку с кофе и направилась в нашу общую пыточную. И не забыла наклеить на лицо положенную улыбку.

Никаких ошибок, Олеся! Никаких слабостей! Никакого разлитого кофе!

Улыбаемся и машем... то есть, подаём.

Именно поэтому сегодня утром я была в особенной панике. Из-за непростозвонивших будильников я катастрофически опаздывала на работу. Бежала по эскалатору и молилась: только бы не уволил, только бы не уволил... В конце концов, всего один раз!

Ага, ну да... Как говорил герой Анатолия Папанова: «До-

статочно одной таблеткой». Не знаю, кому как, а Разумовскому точно достаточно!

Девять тридцать. Кошмар.

Конечно, почти никого в офисе ещё нет, все нормальные люди начинают работать с десяти. Даже те, которые с девяти, всё равно приходят в десять. Но то — нормальные люди. А то — Разумовский. Как к нему можно применять понятие «нормальный», если я не уверена, что он в принципе человек?

Господи, а давай он сегодня заболеет. Простуда, грипп, отравление, сломанная нога... Что угодно. Да-да, я знаю, я плохая девочка. С чего мне быть хорошей? Мне даже молоко за вредность не дают!

Но увы — роботы не болеют. И Разумовский, как образцово-показательный их представитель, стоял возле моей секретарской стойки и сам — сам, блин!!!! — наливал себе кофе.

Я чуть не разрыдалась.

Когда я вошла, он обернулся и выразительно посмотрел на часы над моей головой.

— Простите, пожалуйста, — сказала я почти искренне. — Опоздала. Больше не повторится.

Он сделал глоток кофе, глядя на меня ещё выразительнее, чем на часы.

— Честное слово, — произнесла я проникновенно и улыбнулась. — Понимаете, у меня будильник не прозвонил...

— Ставьте два, — справедливо заметил Разумовский.

— Я и ставлю! — возмутилась я. — Но они оба не прозвонили... Батарейки, что ли, сели...

— В обоих? — Голос был полон скептицизма.

— Да! — кивнула я. — Такое вот совпадение!

Он прищурился, поставил кофе на стойку, подошёл близко-близко, почти вплотную. Это... чего он такое собирается делать?! Нависает надо мной тёмной громадиной, я уже боюсь. Mamочки! Спасите!!! Убивают!

— Дыхните-ка, — сказал вдруг Разумовский. Чего-чего?..

— Вы с ума сошли, — обиделась я. — Я не пью!

— Совсем не пьёте? — спросил серьёзно, и я по обыкновению выпятила грудь.

— Совсем! — решила уточнить: — Только кефир!

И тут он вдруг улыбнулся. Ой-ой, лучше бы он этого не делал... Я ведь так и растаять могу. И растекусь тут лужицей, потом ковёр будет не отчистить.

— Ну ладно, — сказал Разумовский, продолжая улыбаться, а я в это время продолжала млеть. — Тогда сделайте-ка мне кофе.

— Вы же сами себе уже сделали! — Умиление не помешало мне искренне возмутиться просьбой.

— Сделал, — кивнул босс. — Только вот это совсем не кофе.

— Как это? — удивилась я. — А что же тогда?

— Ну... моя мама называет подобную бурду гуталином с

ароматом кофе.

О. У него есть мама.

— Как по мне, вы подобную бурду пьёте каждое утро, — заявила я и на всякий случай уточнила: — Извините.

У Разумовского слегка округлились глаза.

— Возможно, Олеся, возможно. Вот только у вас эта бурда получается гораздо вкуснее. Так что сделайте мне её, пожалуйста. А потом приступайте к своим обязанностям.

Дождавшись моего кивка, начальник величественно удалился в свой кабинет. А я ради интереса попробовала его кофе...

Не знаю, как у него получилось сварить в кофемашине не кофе, а нечто, напоминающее рвотную микстуру, но я даже обрадовалась. Этот человек не идеален!

Может, он всё-таки человек? А?

В обед босс удивил меня ещё сильнее. Впервые за месяц он не заперся в кабинете, пожирая принесённый обед для элитных желудков, а выглянул и сказал:

— Олеся, зайдите.

Я непроизвольно напряглась. Босс, зовущий в свой кабинет во время обеда — это не к добру. В лучшем случае к дождю, а в худшем... Что могло случиться, что он меня позвал работать во время законного обеда?

Ладно, чего гадать — сейчас узнаем.

Я зашла. На белом ковре стоял белый журнальный сто-

лик, и на этом столике лежали две большие чёрные коробки с обедами. На диване — конечно, на белом! — сидел Разумовский в своём чёрном костюме и глядел на меня, как ещё на одно блюдо в его сегодняшнем обеденном рационе.

— Я вас слушаю. — Я застыла на ковре, не решаясь пройти дальше.

— Садитесь, Олеся, — босс кивнул на диван. Я моргнула.

— В каком смысле? — произнесла с подозрением, и он опять улыбнулся. Второй раз за день! Не к добру это. Чую своей попой пятидесятого размера — не к добру.

— А тут могут быть два смысла? Просто садитесь.

— На диван? — уточнила я.

— Конечно.

Я всё же села и подозрительно оглядела Разумовского. Вроде всё на месте, внешне это он. Но его явно подменили. Скорее всего, это какая-то другая модель робота. Или, может, апгрейдили? Поставили галочку в пункте «человечность».

— Ешьте.

Я захлопала глазами.

— Чего есть?

— Обед.

— Зачем?

Он на секунду задумался.

— Олеся, вы никогда не обедаете. Так нельзя.

— Но вы сами сказали, что мне нужно похудеть, — воз-

мутилась я. — Я поэтому пью только чай. Или кефир.

— Я сказал? — Разумовский нахмурился. — Когда?

— Когда на работу меня принимали.

Он нахмурился сильнее, оглядел меня с ног до головы так, что жарко стало. Надеюсь, диван подо мной не расплавится... Всё же диван генерального, дорогой наверняка — не должен...

— Не помню, чтобы я говорил подобное.

Вот так всегда. Эх, мужики. Сначала ляпнут, а мы потом ночами не спим, не едим, переживаем. А они не помнят.

— Вы говорили, что у меня проблемы с внешностью. Я просто сделала вывод.

Несколько секунд он молчал, продолжая меня разглядывать.

— Не помню. Но раз вы запомнили, значит, я это действительно говорил. Беру свои слова обратно.

Остановите планету, я сойду.

Я даже всё чувство юмора вдруг растеряла. Чего это босс? Белены объелся? Или сегодня на обед суп с наркотиками? В кабинет позвал, обед предложил, слова назад взял. Что дальше? С ложечки будет кормить?

Эй, вы! Инопланетяне! Или откуда Разумовский там родом? Верните мне моего босса!

— Ладно, — я кашлянула. — Извините, я пойду, у меня там...

— Сидеть!

Ух, как рывкнул. Я аж подпрыгнула.

— Олеся, — продолжил он уже спокойно. — Почему вы никогда не называете меня по имени?

Вот тут я на самом деле смутилась. Ну ёлы-палы, он заметил. Да, это мой маленький пунктик. Не могу я. Разумовский — и вдруг «Влад». Не привыкла я к подобной фамильярности по отношению к начальству... Поэтому и не называла его никак. «Здравствуйте-до свиданья-хотите кофе?» Тут имя совсем не обязательно, главное — улыбаться и быть вежливой. А это я всегда умела.

— Э-э-э... — протянула я. — Понимаете...

Разумовский смотрел на меня, явно ожидая объяснений. Правдоподобных. Не правдивых, нет, но хотя бы правдоподобных. А их у меня не было!

— Э-э-э...

— Ну-у-у? — передразнил он меня, и я окончательно зависла.

Разумовский. Меня. Передразнил.

Может, я сплю? Да, наверное.

Я ущипнула саму себя. Чёрт, больно!!

— Олеся, что вы делаете? — Голос босса был полон искреннего изумления.

— Следственный эксперимент, — пробурчала я.

— Да? И в чём же он состоял?

— Я хотела проверить, сплю я или нет.

И тут он заржал. Нет, на самом деле, конечно, он не ржал,

просто смеялся. Но это был первый раз, когда он смеялся!

— Ладно, — сказал Разумовский, отсмеявшись. — Потом ответите, когда придумаете ответ. А сейчас ешьте, пожалуйста.

— Это обязательно? — уточнила я жалобно, и он кивнул.

— Ешьте, а то уволю.

Я тут же схватила коробку и стала есть.

На фигуру мне давно было плевать. Тем более, что мне никакие диеты толком не помогали — минус пять килограмм максимум, а потом ступор. Увы — с организмом не поспоришь. Можно было дополнить диету физкультурой, но... попробуйте заниматься ей, работая с восьми утра до девяти вечера почти каждый день. Это просто нереально. Лучше застрелиться.

Так что единственное, что меня волновало — это угроза увольнения. Потерять работу я не могла. Поэтому если Разумовский захочет — я у него с рук есть буду, только бы не уволил.

Он удовлетворенно хмыкнул и взял в руки свою коробку, открыл и тоже принялся за обед. А когда закончил, сказал:

— Можете идти работать. Завтра в то же время приходите на обед.

Я осторожно уточнила:

— Зачем?

Разумовский пожал плечами.

— Я так хочу.

Да уж. Железный аргумент.

С этого дня мы и стали обедать вместе. Иногда молча, иногда он что-нибудь у меня спрашивал и периодически ржал над ответами. Да, я знала, что забавная. Иначе ко мне никто и никогда не относился, кроме родителей. Но как можно быть иной при моей внешности и с моим образом жизни? Если бы не чувство юмора, я бы просто не выдержала.

Боль — она не всегда выходит со слезами, иногда она вырывается наружу вместе со смехом. Но вряд ли хоть кто-то из окружающих это понимал.

Примерно через неделю после начала совместных обедов Разумовский вдруг спросил:

— Ну что, вы уже придумали ответ?

— Нет, я уже забыла вопрос, — сказала я, и он засмеялся.

— А что вы спрашивали?

— Почему вы не называете меня по имени.

Вот зараза. И далось ему это имя.

— Просто так.

Это был единственно возможный ответ. Но если бы я знала...

— Ах, ну раз просто так... Тогда просто так назовите меня Владом.

Мама дорогая.

— Вы шутите?

— Почему же? — он явно издевался. — Разве я многого прошу? Это всего лишь моё имя. Вас зовут Олеся, а меня — Влад.

— Владлен вас зовут, — съязвила я от смущения.

Он закатил глаза.

— Да, всё собираюсь паспорт поменять... Но это уже детали. Назовите меня по имени.

Я молчала. Язык не поворачивался. Он объявил боссу бойкот.

— Уволю! — пригрозил Разумовский, и я моментально рывкнула:

— Влад!

— Ай! — генеральный подпрыгнул и затряс головой. — Да что ж так громко-то! Потихе нельзя?

— Влад, — прошептала я, и он поморщился.

— Нет, не так. Нежнее.

— Вла-а-ад, — протянула я, и Разумовский кивнул.

— Уже лучше. Ещё раз.

— Вла-а-ад...

Он расплылся в улыбке.

— Ещё нежнее.

Куда нежнее-то? Ну ладно, попробую.

— Вла-а-ад, — с придыханием сказала я, и босс вдруг перестал улыбаться. Посмотрел на меня... ой-ой, горячо посмотрел, даже слишком горячо. Как на вкусный шашлык, который съесть хочется.

Поэтому я рявкнула погромче:

— Владлен Михайлович!

Генеральный тут же скривился, как будто я его не Владленом Михайловичем назвала, а Лимоном Лаймовичем.

— Не ори ты так...

— Да вы что-то... отвлеклись.

— Скорее, увлекся, — пробормотал он, махнув рукой на дверь. — Иди, Олеся. Работай.

И я послушно утопала работать. И только сев за секретарскую стойку, сообразила, что Разумовский целых два раза назвал меня на «ты».

На него это было совсем не похоже... Он никого из сотрудников не называл на «ты», и уж тем более своих секретарш. Субординация, чтоб её.

Ой-ой... Не уволит ли?

Наверное, вечером в тот день я была слишком грустной, и мама, конечно, заметила. Трудно не заметить — я ведь всё время улыбаюсь, и вдруг — тоска в глазах.

— Что случилось, Лесь? — спросила мама, усаживаясь рядом. Мне совсем не хотелось её тревожить. Очередная терапия наконец начала ей помогать, рак вроде бы отступал, но это пока... Понервничает — опять станет хуже.

— Да ерунда, мам. Просто на работе проблемы.

— Влюбилась? — протянула она понимающе.

Эх, мама-мама. Всё ты у меня замечаешь.

— Нет, мамуль, — соврала я, улыбаясь. — Не в кого там.

— А начальник твой? Ты говорила, красивый.

— Красивый, — я кивнула. — Но разве же дело в этом?

Огонь, мерцающий в сосуде... Сама ведь помнишь.

— А нет огня?

— Нет, — вновь соврала я. Только бы она не переживала. Улыбнулась и обняла её.

Разумовский наверняка скоро исчезнет из моей жизни. Уволит, да и всё. А вот мама с папой... Я очень хотела, чтобы они жили — и всё-всё делала ради этого. Наверное, поэтому я уже давно не жила сама.

Да и что вообще думать о нём? Никто и никогда не относился ко мне серьёзно. Даже тот единственный парень, с которым у меня не зашло дальше поцелуев. Меня считают милой и забавной, но любить...

Любят других. Вот таких, как мой босс. И я вполне предсказуемо в него влюбилась. Знаю — глупо. Но он всё равно об этом не узнает.

Я не скажу.

С Разумовским я, конечно, и не ждала спокойной жизни. Её у меня и не было. Каждый день случалось что-нибудь, достойное войти в анналы истории нашей компании.

На следующий день, когда я пришла утром на работу, босс уже был у себя. Я покосилась на часы — восемь утра. Мамняк. Хоть бы не заявил, что мне надо в семь приходить, с

него станется...

А потом из кабинета стали доноситься дикие крики. Кричал, конечно, Разумовский. Кто бы посмел на него орать? Дураков нет. Так что кричал, разумеется, мой босс. А из-за того, что дверь была приоткрыта, я слышала его вопли особенно чётко. В суть не вникала. Орал Разумовский редко, но когда орал, то за дело, и так, что стены тряслись и штукатурка сыпалась.

Продолжалось это минут пятнадцать, а потом из кабинета босса выскочил начальник отдела продаж, красный, как флаг Советского Союза, и промчался мимо меня на бешеной скорости. Даже ветер поднял, и меня обдуло ароматом дорогого парфюма.

Чтоб тебя приподняло и треснуло. Довёл Разумовского и убежал. А мне теперь как работать? Может, ему валерьянки в кофе подлить...

И тут из кабинета раздался вопль:

— Олеся!!!

Ну всё, моя очередь. Как говорится, в моей смерти прошу винить Владлена Р...

Я встала, поправила блузку, прокашлялась, высморкалась, посмотрелась в монитор. Ничего вроде, вполне себе эстетичный вид. Может, пронесёт?..

Разумовский сидел за столом и пялился на какой-то график. Когда я вошла, он обернулся, мрачно оглядел меня с ног до головы и сказал:

— Опаздываешь.

Я рискнула пискнуть:

— Я пришла в восемь... Сейчас восемь пятнадцать.

Босс нахмурился, поглядел на наручные часы.

— А, ну да. Это я раньше пришёл из-за того идиота, который только что выбежал. Он в командировке был, накосячил... — Разумовский тяжело вздохнул, и мне даже стало его жаль. Немножко. Совсем чуть-чуть.

— Сделать вам кофе? — предложила я, стараясь не терять пуговицу на блузке. Нервы, нервы...

— Кофе? Можно. И принеси...

Минут пять генеральный диктовал мне список заданий, а потом отпустил. Я на негнущихся ногах вышла из кабинета и сразу поковыляла к кофе-машине. Включила, залила воду, насыпала кофе, сварила, налила в чашку, поставила её на блюдечко... И тут зазвонил телефон.

— Олесь, — голос секретаря ресепшн звучал как-то странно, — тут к генеральному курьер...

— Да? — я удивилась. — Он мне что-то ничего не говорил. А от кого?

— Ну... — она замялась. — Давай я пропущу, а ты там сама разбирайся. Может, ошибка какая...

Я повесила трубку и решила отнести Разумовскому кофе, пока неизвестный курьер до нас не добрался. Вошла в кабинет, постучавшись, поставила перед боссом чашку, и уже собиралась уходить, как он вдруг спросил:

— А курьера не было ещё?

— Нет, — помотала головой я. — А что за курьер?

— С пончиками.

Хорошо, что кофе я уже поставила...

— С чем? — переспросила я медленно, полагая, что мне послышалось.

— С пончиками. У нас же внизу пекарня, не видела? Там выпечка вкусная. А пончики вообще объедение.

Ну да... пончики, значит... Ага...

Тут в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Разумовский, и в кабинет шагнул человек с большой прямоугольной коробкой в руках.

— Здравствуйте, — он с любопытством оглянулся, присвистнул. — Пончики заказывали?

Меня в этот момент разбирал такой хохот, что я предпочла ретироваться, пока босс расплачивался. Не дай бог заржать, вдруг Разумовский обидится и уволит? Лучше я у себя посмеюсь, тихонько... залезу под стол и посмеюсь...

Но посмеяться мне толком не дали.

Сразу после ухода курьера генеральный вновь заорал:

— Олеся!

Ну а сейчас-то что?! Пончики ему принесли, кофе я сварила, заданий на утро он мне надавал. Чего ещё?!

Картина, представшая перед моим взором, была невероятной. Разумовский, как живой человек, жрал пончик, сидя за своим столом. Прямо над важными документами.

Мой мир больше никогда не будет прежним...

Босс проглотил большой кусок пончика, запил его кофе и сказал:

— Хочешь?

Я была в полнейшем шоке, поэтому не поняла вопрос.

— Чего?

— Пончик.

Так, где тут свободный стул? Мне надо сесть. Срочно.

Но до стула ещё надо было дойти, поэтому я осталась стоять на месте, боясь грохнуться по дороге.

— Нет, спасибо.

С моей фигурой только пончики кушать не хватало.

— Почему? Они очень вкусные.

Поверю на слово.

— Я не люблю.

Разумовский, кажется, удивился.

— Не любишь пончики? Я думал, пончики все любят. А что ты любишь?

Я всё ещё не могла собрать свой мозг обратно, поэтому ответила то, что лежало на самой его поверхности:

— Спать люблю.

Босс улыбнулся.

— Я про сладости. Ты что любишь? Шоколад? Конфеты?

А ещё больше я люблю, когда мне не задают дурацких вопросов...

— Всё люблю, — ответила честно. — Но не ем.

— Почему?

Потому что иначе я была бы гораздо крупнее, и не смогла бы выглядеть «эстетично» даже нормально одеваясь.

Но ответить я не успела. Разумовский вдруг сказал:

— Вот ты говорила, что мой кофе — бурда.

Ну неправда, это вы сами сказали... Я только подтвердила.

— А ты какой кофе пьёшь?

По правде говоря, я кофе толком и не пила никогда. Но ещё одного «почему» я сегодня не вынесу.

— Вкусный. Со сливками. Или молоком.

— А свари мне такой, — заявил Разумовский, убив меня этой просьбой наповал. — Сваришь?

Как будто у меня есть выбор...

Выйдя из кабинета, я глубоко задумалась. Нет, не над бренностью всего сущего, а над тем, где мне взять молоко или сливки. Разумовский такой кофе не пил, поэтому в приёмной я держала только сливки для посетителей в крошечных пластиковых «таблетках», но недавно они все закончились.

Вздыхнув, я позвонила Алле Михайловне, секретарю коммерческого директора. Девять утра, по идее, она должна быть на работе...

— Да, Олесь? Доброе утро.

Ой, я бы с этим поспорила.

— Доброе... Алла Михайловна, можно у вас сливки позаимствовать?

— Конечно. А что, к Владу кто-то пришёл в такую рань?

— Да нет... Это он сам хочет.

Молчание.

— Сам?

— Ну да.

Алла Михайловна кашлянула.

— Олеся... А это точно был Влад? Ты уверена? Ты ни с кем его не путаешь?

— Он, он.

— А... он здоров? Как он себя чувствует?

— Нормально он себя чувствует, — я вздохнула. — Сидит, жрёт пончик.

Молчание.

— Однако, — произнесла в конце концов Алла Михайловна. — Ну ладно. Переключи телефон на меня и приходи, дам тебе сливки.

— Спасибо! — обрадовалась я.

Минут через десять, успев сбегать в приёмную коммерческого директора, лишить секретаря пакета со сливками и сварить новый кофе по рецепту «как я люблю», я зашла в кабинет Разумовского и на секунду застыла, заметив, что шести из двенадцати пончиков уже нет.

Троглодит!

— Ваш кофе, — сказала я любезно, и босс милостиво кив-

нул на стул напротив себя.

— Садись.

Нашёл себе развлечение в моём лице...

Я села. Несколько секунд Разумовский разглядывал поверхность кофе, потом поднёс к лицу, понюхал. Проверяет, нет ли яда? Хотела бы отравить, давно бы уже отравила.

Сделал глоток. Подержал во рту, словно пытаюсь распробовать. Дегустатор...

— Вкусно, — заключил, поставив чашку обратно на блюдо, — ты молодец.

— Спасибо, — ответила я, гадая, что Разумовский сегодня ещё учудит.

— Точно не хочешь пончик? У меня их много.

Я покосилась на коробку.

— Вы и сами неплохо справляетесь...

Он улыбнулся. А потом сказал своё коронное:

— Уволю.

Я моментально схватила пончик и вгрызлась в него всеми зубами. Сахарная пудра полетела в разные стороны, заляпав щёки и покрыв тонким слоем подол юбки.

— Молодец, — кивнул Разумовский, достал салфетку, перегнулся через стол и вытер мне щёки. — Только надо аккуратнее быть. Возьми ещё один и иди работать.

Всё? Мои мучения окончены?

— Да, кстати. Завтра утром у меня дела, так что приеду где-то к двум.

Господи, спасибо!

Посплю на час подольше...

Эх, наивная я! Вслед за чем-то хорошим обязательно следует что-то плохое. И в тот день, придя на работу к девяти (а не к восьми, ура-ура!), я обнаружила в приёмной коммивояжера — так в нашей конторе называли различных людей, которые пытались что-то продать. От косметики до новых лекарств, разработанных непонятно кем и неизвестно где.

Позже выяснилось, что этот приткий молодой человек каким-то невероятным образом преодолел турникет, присосавшись к чемодану одного из посетителей. Ну а дальше — дело техники. В конце концов, табличка «Генеральный директор» на двери имеется...

— Вы кто? — я недовольно посмотрела на его грязные ботинки, которыми он стоял на любимом белом ковре босса.

— О, милая дева! — возопил этот выюнош. — Я представитель компании «Лорафарм», и у нас есть всё, что нужно таким, как вы!

Хм. Больше всего мне были нужны только деньги... Вряд ли эта «Лорафарм» их печатает.

А потом я осознала, что он только что мне сказал. Господи! Разумовский меня прикончит! Босс терпеть не мог этих «мешочников», как он их называл.

А конкретно этот мешочник ещё и наследил на его ковре!

— Верёвка и мыло? — поинтересовалась я, и вредитель

поперхнулся.

— Что? — переспросил он, и я повторила:

— Верёвка и мыло, говорю, есть у вас? Нету? Тогда идите отсюда, идите! Сейчас охрану позову!

Юноша вздёрнул нос и начал тараторить быстрее:

— Но вы ведь ничего не видели! У нас прекрасная тушь, она делает ресницы в десять раз длиннее!

Они так за брови будут цепляться...

— И помада, с ней ваши губы будут в три раза толще... то есть, пухлее!

Спасибо, у меня в принципе лохматость повышенная. То есть, пухлость.

— А духи! О, какие у нас духи! Вы только понюхайте!

— восторженно вопил коммивояжер, наклонился, собираясь достать что-то из своей сумки...

— Не надо! — воскликнула я, попой чувствуя неприятности, но куда там! Он выдернул из сумки какую-то коробочку, но дернул слишком сильно — она вылетела у него из рук и издала подозрительное звяканье...

В воздухе сразу запахло жареным. И жарить точно будут меня...

— Вон! — заорала я, схватила какие-то документы с секретарской стойки и начала лупить этого вредителя прямо по голове. Он не заставил себя долго уговаривать — смылся ментально, только пятки засверкали.

Эх, везёт некоторым. Можно просто убежать — и никакой

ответственности. А мне что теперь делать?

Неведомая фигня — наверное, духи — разливалась по ковру, и я почти видела на нём надпись «уволена». Но это полбеды. Нет, даже десять процентов беды. Всё остальное — это абсолютно ужасный, на редкость отвратительный запах! Я бы сказала, это был не запах — это была вонь!

И что делать? Срочно звонить в чистку ковров? Ага, они с меня столько денег сдерут — вовек не расплачусь. Надо самой отмывать. В конце концов, пятна почти не видно, и оно с краю... Если что, поставлю туда что-нибудь. Столик с фикусом, например. Но запах! На него же фикус не поставишь!

В общем, три часа до прихода босса я развлекалась тем, что играла в уборщицу. Оттащила осколки и промокшую коробку из-под духов в туалет — здешние барышни будут в ужасе, но ничего, пусть терпят, — взяла ведро, наполнила его водой, и, захватив с собой тряпку и кучу моющих средств, ожесточённо тёрла ковёр.

Говорят, вода камень точит. Не знаю, как насчёт воды, но человек, три часа трущий одно и то же место, либо сам сдохнет, либо дырку на этом месте протрёт, либо добьётся того, чего ему надо. Я добилась. Ну, почти.

Запах в приёмной всё равно стоял зашибенный. Начальная нота — аромат хлорки и лимона. Нота сердца — те самые духи, смесь «Красной Москвы» и застарелого бомжатника. И наконец, конечная нота — мой пот, коим я обильно поливала ковёр в приёмной во время его оттирания.

Я и окна открывала, и папками махала — толку было мало. Оставалось надеяться, что у Разумовского насморк.

Но у босса, конечно, никакого насморка не было. И он, как только вошёл в приёмную, застыл и начал подозрительно дёргать носом.

Я радостно улыбалась, делая вид, что совершенно тут ни при чём.

— Олеся? — в голосе пока вопрос, а не угроза. Это хорошо...

Я улыбнулась шире.

— Что?

— Олеся! — вот, уже угроза. Плохо! — Что у тебя случилось?

— Ничего, — пискнула я, пытаюсь не втягивать голову в плечи. В конце концов, не пойман — не вор!

— Врёшь, — заключил Разумовский. — И я хочу знать, почему в моей приёмной воняет чёрт знает чем.

Я молчала. После трёхчасового марафона с тряпкой мои мозги тоже стали похожи на тряпку, и я никак не могла сообразить, как лучше начать. А главное — как закончить так, чтобы меня не вынесли отсюда ногами вперёд. И с трудовой книжкой под мышкой.

— Уволю! — рявкнул Разумовский, и сразу сработал рефлекс:

— Мешочник приходил, разлил духи. Вонючие. Я отмывала.

Босс помрачнел.

— И кто его пустил?

— Не знаю...

— Покажи, где пятно.

Я кивнула и подвела Разумовского к тому самому месту на краю ковра, которое тёрла почти три часа.

Босс долго туда вглядывался, как баран в новые ворота. Потом заключил:

— Я ничего не вижу.

Ещё бы...

— Я отмыла. Запах только остался. Немножко. Но он выветрится, я думаю... Вряд ли эти духи такие уж качественные.

Разумовский хмыкнул.

— Ладно, Олеся. Молодец, что отмыла. — Я вытаращилась на генерального, и он повторил: — Молодец-молодец. А сейчас сделай мне кофе и соедини с начальником охраны. Надо теперь ему голову помыть. В следующий раз если кто сюда проберётся и ты оттереть не сможешь, будет за ковёр сам платить. Вечно спят на рабочем месте...

Конечно, спят, чем же ещё им заниматься...

Бурча, босс удалился в кабинет. А я вздохнула с облегчением — пронесло! И сразу же закашлялась.

Прям боюсь подумать, из чего они там делают эти духи. Натуральный продукт, ага. Натуральным тухлым мясом пованивает...

Прошло несколько дней, и я вновь оплошала. А Разумовский вновь развлёкся за мой счёт.

У босса в очередной раз кончилась ручка, он позвонил по телефону и попросил принести новую. Элитные ручки для босса хранились у меня в шкафчике под кофе-машиной. Я встала, подошла к шкафу, наклонилась, распахнула дверцы и стала там рыться.

Рылась я долго. Карандаши, маркеры, стикеры, обычные ручки... Где же элитные? Может, я их переложила?..

Я залезала всё глубже и глубже, наклоняясь всё сильнее. Я уже готовилась встать на колени, чтобы обшарить совсем неизведанные глубины шкафа, но в этот момент вдруг почувствовала чей-то взгляд на своей... попе.

Я застыла, сжала в ладони одну из найденных обычных ручек, вздохнула. Этот взгляд уже почти приподнял мне юбку...

Может, мне чудится? Паранойя, так сказать. У Разумовского всё что угодно можно заработать, от геморроя до невроза, и паранойю в том числе.

Нет, мне не чудилось. К сожалению.

Я обернулась и обнаружила, что в двух шагах от меня стоит босс и с огромным удовлетворением на лице пялится на мою задницу.

Ы-ы-ы!

— Простите, — выдохнула я, попыталась выпрямиться и

стукнулась башкой о полку шкафа. — Ай!

Разумовский подскочил, помог мне подняться.

— И за что ты просила прощения? — спросил иронично. Я потерла ушибленную макушку и чистосердечно призналась:

— За то, что стояла к вам не тем местом.

— А, — он кивнул. — То есть, ты редкий человек с глазами на затылке. Я учту.

— Не поняла?.. — пробормотала я. Это он типа пошутил?

— Ты же ручку искала. Как её можно искать в шкафу, но лицом ко мне? Только если глаза на затылке.

— Нет, глаз на затылке у меня нет, — вздохнула я и поморщилась: шишку всё-таки заработала. — Только шило в жо... Ой, извините.

Олеся! Совсем расслабилась! Или тебе эта полка в шкафу умудрилась мозг выбить? Ругаться имеет право только босс! Ты же живёшь по принципу детской песенки: жопа есть, а слова — нет!

Но Разумовский не обратил внимание на мою ошибку.

— Ударилась? — спросил он озабоченно. — Дай посмотрю.

Наклонился и начал рыться у меня в волосах.

Я застыла от неожиданности, изо всех сил стараясь не растаять. Какие у него пальцы... Такими только женщин ласкать...

Олеся! О чём ты думаешь?

— Тебе надо что-нибудь холодное приложить, — сообщил босс, добравшись наконец до моей шишки. — Голова не болит?

— Нет.

— Хорошо. Возьми какое-нибудь полотенце, намочи и приложи, легче станет.

Где я ему возьму полотенце-то? Разве что половую тряпку приложить...

— И ещё... Олеся, если ты не можешь найти мои ручки, это значит, что они кончились. Надо заказать. А пока их везут, дай мне обычную. Попишу ей, не рассыплюсь.

— Да? — поразилась я и чуть сама себе по лбу не стукнула. Ну что же это такое сегодня со мной!

— Да, — передразнил меня Разумовский. — И сделай мне чаю. Уже двенадцать.

Слушаюсь и повинуюсь, мой господин...

А на следующий день я разлила кофе. Слава богу, не на прекрасный белый ковер, как уволенная Катя из бухгалтерии, а на себя, но я была не уверена, что это лучше.

Во-первых, кофе, как ему и полагается, был горячим.

Во-вторых, Разумовский этот самый кофе ждал у себя в кабинете, как обычно он и делал по утрам. А кофе медленно разливался по моей груди, и блузка из белой превращалась в кремовую, противно прилипая к телу. Хорошо, что после того эксперимента со сладким кофе и сливками босс больше

не изменял привычкам и пил свой любимый гуталин. Иначе мне было бы не только горячо и мокро, но ещё и липко.

А в-третьих... мне всё же повезло. Я, наученная опытной Аллой Михайловной, хранила в ящиках стола запасную одежду. И, покосившись на кабинет босса, я полезла под секретарскую стойку. Выдвинула ящик, достала пакет с совершенно новой блузкой. Кряхтя и отдуваясь, скинула с себя промокшую — вылезать из-под стола не рискнула, мало ли?

Оказалось — очень предусмотрительно.

Как раз когда я собиралась открывать пакет, над моей головой раздался голос Разумовского:

— Олеся? Что происходит?

Я чуть не застонала. Ну чего ж тебе в кабинете не сиделось ещё хотя бы две минуты?!

— Подождите, пожалуйста, — постаралась ответить как можно спокойнее. — Непредвиденные обстоятельства...

— Какие такие обстоятельства? — сказал Разумовский с небольшим раздражением в голосе и, к моему полнейшему ужасу, обошёл секретарскую стойку. И уставился на меня, сидевшую под столом в одном лифчике бежевого цвета и брюках.

Клянусь, мне так неловко никогда в жизни не было.

Босс молчал, и я тоже. А потом я вдруг сообразила, что сидеть под столом при генеральном директоре — как-то неприлично, и вылезла оттуда. Постаралась выпрямиться, хотя с учётом моего внешнего вида это было довольно нелегко, и

сказала:

— Извините, я просто вылила кофе на блузку. Переодевалась, — голос, к сожалению, у меня слегка дрожал.

Разумовский молчал, медленно скользя взглядом по моей груди.

— Я вижу, — наконец, проговорил немного хрипло. — Бюстгальтер у тебя тоже мокрый.

Чёрт!

Я опустила голову — и краска бросилась в лицо. Из-за того, что кофе промочил насквозь не только блузку, но и лифчик, соски стояли, как два солдата на параде.

Я обхватила себя руками и подняла голову. Разумовский продолжал смотреть, с интересом, но без насмешки.

— Извините, — выдохнула я и решила спросить: — Я уволена?

Он, кажется, удивился.

— Уволена? Нет. С чего вдруг?

— Катю из бухгалтерии вы уволили, — ответила я тихо. — А она на ковёр кофе разлила, а не на себя, и не стояла перед вами без блузки...

— Катю я уволил не из-за кофе, — сказал Разумовский уже по-настоящему раздражённо. — Олеся, я так похож на чудовище?

Ну... да. Похож.

Но вслух я этого не произнесла.

— Твоя Катя строила глазки одному из моих партнеров,

именно по этой причине она и разлила кофе. Разлитый кофе я готов простить, но флирт на работе, да ещё и в присутствии генерального — это очень глупый поступок. Сотрудник, позволяющий себе подобное, не стоит того, чтобы оставлять его в коллективе. Это понятно?

Я кивнула и сильнее обхватила себя руками. Холодно...

— Ладно, — голос босса вновь стал бесстрастным. — Переодевайся и сделай мне новый кофе. Только постарайся больше ничего не разливать.

— Да-да, конечно, — пообещала я, а когда Разумовский ушёл, с облегчением выдохнула.

Ф-фух. Пронесло. Не уволил...

Вообще-то мне никогда не снятся сны, наверное, из-за того, что я очень устаю на работе. Тем более — сны... эротические. Но после этого эпизода с разлитым кофе мне приснилось... нечто.

Во сне случилось всё то же самое. Я разлила кофе, полезла под стол, из кабинета вышел Разумовский. Но потом...

Вместо того чтобы просто пялиться на меня, он сделал шаг вперёд, наклонился — а с его внушительным ростом ему пришлось нагнуться довольно сильно — и втянул в рот один из сосков прямо через бюстгальтер.

Я охнула, а он сказал:

— С такой девочкой никакого сахара в кофе не нужно. И так сладко... — и вернулся к покусыванию соска. Пальцами отодвинул ткань со второй груди и начал её мять.

— Влад, что вы делаете, — шептала я в смятении. — Дверь же не закрыта, а если кто-нибудь войдёт?

— Я скажу, что у нас совещание. Очень важное.

— И что же мы обсуждаем?

— Мы обсуждаем... какой кофе вкуснее...

Влажный язык Разумовского кружил вокруг соска, и от каждого движения внизу живота что-то тянуло...

— И... какой же?

— Вот такой, — ответил босс и посадил меня на секре-

тарскую стойку, раздвинул ноги... а потом я проснулась.

После подобного сна смотреть на Разумовского было стыдно. Хорошо, что он целый день гонял меня туда-сюда, и я видела его всего ничего. Ну и на обеде полчаса пришлось посидеть с ним на диване. А в остальное время я могла предаваться своим эротическим фантазиям. То есть, усиленно работать.

Перед концом рабочего дня — точнее, перед концом рабочего дня остальных сотрудников компании, но не моего рабочего дня, — я зашла в туалет. Туалет вообще странное место, а уж женский туалет — тем более. Чего там только не услышишь, на унитазах восседаючи. И хоть я старалась «не засиживаться», как предостерегал меня Разумовский, тут пришлось задержаться.

— Представляете, он её на «ты» называет! — послышался возмущённый женский голос. Я, отматывающая в этот момент туалетную бумагу, замерла и даже затаила дыхание. Ну пожалуйста, пусть это будет не про нас с боссом!

«Про нас с боссом»... Звучит-то как, а?

— Да ладно?! Гонишь!

— Честное слово! — возмущения в голосе прибавилось. — Сама слышала, как он сказал: «Дай мне, Олеся, копию какого-то там письма».

Вот блин. Ну почему я решила пописать именно в эту минуту, а?

Ненавижу сплетни. Особенно когда сплетничают о тебе, а ты в это время, как гордый орёл на вершине Кавказа, восседаешь на краю унитаза.

— Надо же... кто бы мог подумать... А Вольская уверяла, что она и недели с Разумовским не проработает.

Хм. Как, оказывается, обо мне хорошо думает главный бухгалтер.

— Ерунда, — это был голос моей бывшей коллеги из отдела продаж, Наташки Серебрянской. — Олеся очень приятный человек. И совсем не глупый. Наш босс, видимо, это оценил.

— Думаешь, она с ним не спит?

От смущения я готова была начать жевать туалетную бумагу.

Нет, он со мной не спит, он со мной обедает.

А ещё периодически он меня троллит...

— Да ну вас. У Разумовского всегда бабы были с ногами, которые росли прямо из ушей. Красивые и безмозглые. Нафига ему Леся-то? И вообще, чего вы тут панику развели? Ну называет он её на «ты». Можно подумать, это преступление!

Надо же, не ожидала, что Наташка будет меня защищать. Мы с ней никогда особо не общались...

Впрочем, я ни с кем особо не общалась. Работала, как бессмертный пони, и на обед не ходила, чтобы деньги экономить. Когда мне было общаться?

— И всё-таки что-то тут не так... — только начала рассуждать третья собеседница, как дверь соседней кабинки с громким «бам» открылась и послышался весьма раздражённый голос Аллы Михайловны:

— Так, девочки, вам заняться нечем? Это туалет, а не лавочка возле подъезда, а вы — не старые бабки, чтобы перемывать кости другим сотруdnикам.

Они начали извиняться, Алла Михайловна ещё немного поворчала, но вскоре утомилась и ушла. Я дождалась, пока из туалета уйдут все сплетницы, и только тогда вышла из кабинки.

Посмотрела на часы. Я отсутствую уже двадцать минут. Двадцать!

Разумовский меня убьёт... Говорил же — не засиживаться!!

Я влетела в собственную приёмную на такой скорости, что даже не заметила идущего навстречу босса. И — бах! — врезалась в него.

Разумовский спружинил о мою грудь, как об матрац, и схватил меня за плечи.

— Олеся! Осторожнее! Откуда ты так несёшься?

— Из туалета! — ответила я честно, и генеральный на секунду завис.

Я смутилась.

У Разумовского начали дрожать губы.

— И чего там, потоп?

— Почему потоп?

— Ну а из-за чего ты можешь так нестись из туалета? Потоп или пожар.

Я надулась, как мышь на крупу.

— Из-за вас я несусь.

— Из-за меня?

— Да!

Генеральный задумался.

— Хм. То есть, это у меня потоп или пожар?

Вот же... тролль!

Точно! Он не просто чудовище — он грёбанный тролль!

— Вы же сами, когда принимали меня, просили в туалете не засиживаться!

Босс то ли хмыкнул, то ли хрюкнул. Я не поняла.

— Я пошутил.

— А-а-а... Да?!

И тут Разумовский наконец отпустил мои плечи, закрыл руками лицо и затрясся. Я даже испугалась.

— Влад... — от испуга я начала называть его по имени,

— Влад, что с вами?

Он отнял руки от лица — и я увидела, что мой босс просто и банально ржёт. Ну вот — опять!

А чего я, спрашивается, такого сказала? Ну правда?! Ничего же особенного!

Я даже носом обиженно шмыгнула. Эх, сплошная неспра-

ведливость в жизни. Одними женщинами восхищаются, а над другими только ржут...

— Знаешь, Олеся, — сказал наконец Разумовский, отсмеявшись, — я думаю, мы с тобой просто переработали. Поехали домой.

И тут я выдала:

— К кому?

И почти сразу после этого:

— Ой. В смысле...

У босса вновь задрожали губы, но он справился с собой.

— Всё, идём. Я тебя подвезу до дома. А потом поеду к себе. Договорились?

Я кивнула.

Машина у босса была шикарная. Чёрная. А в остальном я не разбираюсь.

И шофёр тоже шикарный — толстый лысый дядька с усами, как у барона Мюнхгаузена. Впустил нас на заднее сиденье, спросил мой адрес, закрыл дверь, сел за руль и тронулся. В смысле завёл машину и поехал.

И только тут я осознала, что нахожусь с Разумовским в одной машине. На одном сиденье. На расстоянии в полметра.

Когда мы обедали на его белом диване, между нами было метра два...

Наверное, можно уже начинать смущаться.

Но боссу явно было не до меня. Он сразу залез в план-

шет и начал что-то там читать. Минут десять я подождала — вдруг захочет завести разговор? — но Разумовский молчал. Поэтому я закрыла глаза и решила немного отдохнуть.

На самом деле это была плохая идея. Увы, в своём состоянии постоянной усталости я частенько засыпала в метро стоя и не опаздывала на работу только благодаря встроенному автопилоту. А тут мягкое сиденье машины, тихая музыка, и никто не наступает на ноги...

Да-да, я уснула. И мне даже что-то снилось.

А потом раздался какой-то резкий звук — позже я поняла, что это был автомобильный гудок — и меня выбросило куда-то вперёд.

— А-а-а! — завопила я, готовясь к безвременной кончине.

Но умереть мне не дали. Чьи-то тёплые ладони схватили меня... за грудь и прижали к себе.

Я сидела ни жива ни мертва. Первые несколько секунд вообще не могла вспомнить, где нахожусь, а когда вспомнила и осознала, то даже дышать перестала.

Руки Разумовского лежали у меня на груди. Ну как... лежали. Сначала они, конечно, лежали. А потом задвигались.

Это он чего... Меня щупает?

— Простите, я, кажется, уснула, — я попыталась отодвинуться, но босс держал крепко. — Извините...

— Ничего, Олеся, — хмыкнул Разумовский где-то возле моего уха. — Мне понравилось.

Ему... что?!

Кажется, я всё же слишком сильно ёрзала — босс в конце концов меня отпустил.

— Мы уже почти возле твоего дома, — сказал он, улыбаясь. — До завтра, Леся.

«Леся»... Кирдык. Дальше что? Лесенька?

— До завтра, — пискнула я.

— До завтра... кто?

Опять он за своё!

— Уволю, — пригрозил Разумовский, и я, вздохнув, всё же сказала:

— До завтра, Влад.

— Умница.

Угу... Чудовище! Троль!

На самом деле чувство юмора — единственное, что может спасти в ситуации, подобной моей. Глядя на меня, можно предположить, что эта взбалмошная девица совсем без царя в голове. Но... какая разница, что обо мне думают другие люди? Главное — что думаю я сама.

Да, мне всегда были безразличны мысли окружающих. С восемнадцати лет главным для меня были родители, а они, конечно, понимали, какая я настоящая.

Это невыносимо сложно — быть такой, какой я казалась всем остальным. Смеяться, когда хочется плакать. Улыбаться, когда мечтаешь удавиться. Работать, когда твои сверстники ходят по клубам и живут в своё удовольствие. И каждый день слушать про различные медицинские процедуры, лекарства, диагнозы.

Приехав домой тогда, после приключения с Разумовским в машине, я проделала свой обожаемый трюк — заперлась в ванной, плюхнулась на пол и закрыла лицо руками.

Ванная — моя любимая комната. Потому что только там в нашей квартире есть щеколда, которую можно задвинуть. И никто точно не войдёт, и не увидит, как мне плохо.

Невыносимо.

Нашёл себе развлечение. Хотя... я его понимала. Разумовскому, всегда такому строгому и собранному, наверня-

ка в моём обществе становилось легко и комфортно. Не зря он даже пончики заказал, не боясь потерять свой имидж. И подшучивал, расслабляясь. Я его понимала, да. Но... кому захочется быть шутком в глазах человека, которого любишь?

Я не шут. Я просто маленькая девочка. И в моей жизни нет ничего, кроме работы.

И наверное, уже не будет.

На следующий день была пятница, и я заранее радовалась, что скоро выходные, и я смогу немного перевести дух и отдохнуть от Разумовского.

Но он в этот день явно решил на мне хорошенько отыграться.

Хотя... буду справедливой. Не только на мне!

С самого утра, даже не выпив свой гуталин, босс вызвал к себе начальника отдела закупок — и началось. Тот ещё глаза продрать не успел, а на него уже орать начали.

Я, привыкшая к ежедневным стрессам, спокойно работала — делала для генерального одну дурацкую сравнительную табличку в экселе. И мысленно готовилась к очередному троллингу. Может, опять пончики закажет? Хорошо бы. Пожалуй, это самое безобидное.

Дверь, ведущая в коридор, открылась, и в приёмную шагнул мой хороший знакомый — курьер Витька. Расплылся в улыбке, увидев меня, и сказал:

— Ну что, Леська, как тебе работается в логове нашего

питона Каа?

Я засмеялась. Витька чем-то был похож на меня — с ним тоже всем было легко.

— Нормально. Видишь, жива. Каа на диете, он бегемотиков не кушает.

Витька фыркнул, поправил старенькую кепочку, положил на мою секретарскую стойку посылку для босса и покосился на его кабинет, откуда по-прежнему доносились вопли.

— Да уж, я слышу. Сегодня на завтрак у Каа очередной бандерлог. Он его как, с кофе или всухомятку?

— Всухомятку, — прошептала я и сделала страшные глаза: крики в кабинете стихли, и через секунду оттуда выбежал начальник отдела закупок. Но Витька, кажется, не понял намёк, потому что продолжал:

— А ты цветёшь и пахнешь, Лесь. Смотрю, в юбке даже. У нас-то ты вечно в джинсиках и свитерках была. Тоже ничего, но юбочка — оно, конечно, попривлекательнее. Ты где обедаешь? Может, в кафе соседнее сходим?

Я-то знала, что в Витькином предложении не было никаких скрытых смыслов и подводных камней. В конце концов, я знала его четыре года, и всё это время он был чудесным семьянином, обожал дочек-близнецов и жену.

Но вот Разумовскому этого было не понять. Решив выйти из кабинета — наверное, хотел потребовать свой гуталиновый кофе — босс застыл на пороге, слушая Витькины речи и изучая его (и меня заодно) до ужаса неодобрительным

взглядом.

Почему до ужаса? Потому что я была в ужасе.

Только открыла рот, чтобы остановить Витьку, но его, кажется, и бульдозер бы сейчас не остановил...

— Или тебя наш узурпатор на обед не отпускает? Так ты ему напомни про трудовой кодекс и всякое такое...

Мать моя женщина. Меня аж затошнило.

Разумовский сделал шаг вперёд, и лицо у него было мрачнее тучи. Я вскочила с места, подхватила ничего не понимающего Витьку под локоть и затараторила:

— А ты уже уходишь, да? Посылочку принёс, а теперь уходишь...

— Но... — попытался что-то возразить Витька.

— Уходишь-ходишь! — с нажимом прошипела я, дотронула парня до двери и вытолкала в коридор. Босса он, конечно же, заметил, вытаращился на него, что-то для себя осознал — и прибавил ходу.

Развернувшись к Разумовскому, я проникновенно произнесла:

— Извините его... — выдохнула. — ... Влад. Пожалуйста. Он просто... шутил.

Физиономия у босса оставалась самой мрачной на свете.

— Шутил.

— Ну... да. Глупо, конечно.

— Курьеры, отпускающие дурные шутки в приёмной генерального директора — это недопустимо, — сказал Раз-

умовский таким ледяным тоном, что я похолодела. Уволит! Точно — уволит! Не меня — Витьку!

Я молитвенно сложила ручки и сказала самым просительным на свете голосом:

— Простите его... Влад. И не увольняйте. Пожалуйста!

Лицо у босса стало ещё мрачнее, хотя казалось, мрачнее некуда.

— Так вот, какие мужчины тебе нравятся, — процедил он презрительно.

— Что?.. Нет-нет, вы ошибаетесь! Мне мужчины вообще не нравятся!

Наконец-то новая эмоция! В глазах у Разумовского мелькнуло нечто вроде озадаченности.

— Тебе нравятся женщины?

— Нет! В смысле... Мне никто не нравится. Я... не до этого мне. А Витька... он женат, у него две дочки-близняшки. Не увольняйте, пожалуйста! Он хороший, старательный. Он просто пошутил!

От отчаяния у меня даже голос задрожал. Кажется, ещё немного — и я позорно разревусь.

А мой чудовищный босс молчал и просто смотрел на меня.

— Ну допустим, — произнёс в конце концов и сложил руки на груди. — Допустим, не уволю. И что мне за это будет? Я зависла.

— В каком смысле?..

— В прямом. Что мне за это будет, Олеся?

Может, он шутит? Да нет, глаза серьёзные. Даже злые немножко. Уголки губ иронично приподняты, но не более того.

— Э-э-э... Кофе?

— Кофе я и так могу получить.

— Может, заказать вам пончиков? — с надеждой спросила я и чуть не захныкала, когда Разумовский покачал головой.

— Нет. Что, нет идей?

Идеи у меня были. Но на всех впору было ставить значок 18+ и отправлять в раздел второсортной порнухи. Да у меня и язык бы не повернулся предлагать боссу подобное.

— Нету...

— Ладно. Пошли, — Разумовский развернулся и зашагал к себе в кабинет. Несколько секунд я медлила в нерешительности, но затем всё же пошла за ним. Не убьёт же...

Зайдя в кабинет, генеральный сел на свой любимый белый диван, опять сложил руки на груди и сказал:

— Не хочешь, чтобы уволил? Тогда спой и спляши.

Я не двигалась, вытаращившись на босса во все глаза.

— Чего смотришь? Спой и спляши, — повторил Разумовский, и губы его всё же дрогнули.

Троллит! Точно! Опять он меня троллит!!!

Гад.

Ну ладно.

— Репертуар я сама могу выбрать? — спросила, постаравшись не допустить язвительности в голосе. Босс милостиво кивнул. Чудовище.

Я кашлянула. Встала в позу. Глубоко вздохнула. И запела:

— Ви вилл, ви вилл рок ю-ю-ю! — Топ-топ ножками, хлоп-хлоп ручками. — Ви вилл, ви вилл рок ю-ю-ю! — Топ-топ, хлоп-хлоп. — Ви вилл, ви вилл...

Фальшивила я ужасно. И тут не выдержал даже такой непроницаемый стеклопакет, как Разумовский. Плечи его затряслись, губы задёргались, глаза заблестели.

— Ви вилл, ви вилл рок ю-ю-ю! — завела я по пятому кругу, и босс поинтересовался:

— А дальше-то помнишь?

— Ви вилл, ви вилл... не помню-ю-ю-ю! — призналась я, топая ножками.

И тогда он встал с дивана, подошёл вплотную ко мне и начал декламировать:

— Бадди ю эн олд мэн по мэн, пледин виз ю айз гонна мейк, ю сам пис сам дей, ю гот мад он ё фейс, биг дисгрейз, самбоди бета пат ю бэк инто ё плейс!

И затопал ножками.

Я чуть не упала.

— Ну, давай припев вместе. Ви вилл, ви вилл рок ю-ю-ю! — топ-топ ножками, хлоп-хлоп ручками.

Я послушно повторила за боссом. Хорошо, что он не стал допевать песню до конца, ограничился одним куплетом. А

потом взял мои ладони в свои и сказал совершенно серьёзно, улыбаясь как обычный человек, а не как чудовище:

— Спасибо, Лесь. Развеселила меня. А то я с утра злой был, как чёрт... Никого я не уволю, не переживай. Сделаешь мне кофе?

Я кивнула, не в силах больше ни петь, ни говорить.

— Только сделай по своему рецепту, ладно? Не хочу сегодня гуталин пить.

Я вновь кивнула. Немножко подумала и предложила:

— Пончиков заказать?

Босс тоже немножко подумал... и согласился.

В общем, шли дни. Иногда однообразные, иногда не очень. Но чаще всё же однообразные.

Разумовский продолжал называть меня на «ты» и вёл себя при этом так, словно это было нормально. И на обед приглашал.

Я ему даже про маму с папой рассказала. Так, немножко, одни только факты, без переживаний. Зачем другим людям мои переживания?

А потом, примерно через две недели после моих совместных песнопений с боссом, наша компания начала готовиться к грядущему корпоративу. Пятнадцатилетний юбилей было решено отметить в офисе из-за соображений экономии, и мне, как секретарю генерального, поручили заниматься организацией сабантуя.

Что ж, организовывать пьянку — куда лучше, чем в ней участвовать, так я считаю. Тем более что я совершенно не пью, а как показывает практика, к непьющим сотрудникам, особенно если они без машин, относятся с подозрением. И вроде времена Советского Союза давно прошли, а всё равно чувствуешь себя иностранным шпионом.

Разумовский с этим юбилеем тоже носился, как с писаной торбой.

— Всё должно быть по высшему разряду, — заявил он

мне, и я с трудом удержалась от закатывания глаз и фырканья. Конечно, по высшему... Заказали бы тогда ресторан. И мне мороки меньше заодно. А то, понимаешь, высший разряд им тут обеспечивай, и при этом колбасой в коридоре пахнуть не должно. А как так, если её надо ещё нарезать и по тарелкам разложить?

Пока я предавалась размышлениям о колбасе, сотрудники вовсю обсуждали премии и кто в каком наряде придёт. Кажется, я одна ни о чём не мечтала. Секретарям премий не выдают всё равно, так чего же мечтать? По крайней мере в нашей конторе...

А потом наступил день корпоратива. Точнее — вечер. Народ на работу пришёл расфуфыренный — мужчины в костюмчиках, женщины в платьях. Лица торжественные. Как на свадьбу прям. А я надела обычную чёрную юбку и белую блузку, только поверх блузки кулончик повесила для того, чтобы от будней отличаться.

Разумовский тоже выглядел, как всегда, но он ведь и так одет идеально, ему даже стараться не надо. Интересно, кто гладит ему костюмы? Мама? Любовница?

Хотя с его графиком — какая там может быть любовница...

После торжественной части корпоратива, когда по очереди выступали то генеральный директор, то коммерческий, то ещё другие главные люди в нашей конторе, я тихо улизнула к себе в приёмную. Время подваливало к семи, и я планирова-

ла отсидеться здесь и смыться домой, дождавшись Разумовского. Он ведь говорил — не уходить раньше него. Поэтому я не уходила, а мирно читала книжку, сидя за компьютером. День не рабочий — имею право. Все остальные вообще водку пьют, а я вот культурно отдыхаю.

Ближе к девяти вечера я начала терять терпение. Ну где же босс? Сейчас ещё ввалится пьяный — вот счастье-то будет.

Ввалился. Полдесятого. Не совсем пьяный, но слегка подвыпивший. Запах от Разумовского шёл сильный, хотя шагал он прямо и даже не заваливался на бок.

— Олеся? — увидев меня, он слегка удивился. — А я думал, ты домой ушла.

— Вы сами говорили, что нельзя раньше вас, — ответила я, вставая и вырубая компьютер. — Но раз вы пришли, можно, я пойду?

Разумовский на меня как-то странно смотрел. Я даже занервничала.

— Ты всё это время просидела здесь одна?

— Не совсем...

— А с кем? — он даже оглядел приёмную, словно выискивая моих спрятавшихся кавалеров по углам.

— Я книжку читала.

— Книжку...

Босс замолчал. Я подождала немного, а потом уточнила:

— Я пойду.

К моему удивлению, он помотал головой.

— Нет.

Я так поразилась, что даже не нашлась с ответом. Как так

— нет? Что мне тут, жить, в этой приёмной?

— Идём.

Разумовский кивнул на свой кабинет, развернулся и ушёл туда.

Надо было в тот момент сваливать, причём с вещами и с концами. Но кто же знал...

И я юркнула за боссом.

В кабинете уже было темно, только монитор светился, и за окном сверкал огнями вечерний город. Разумовский чем-то загремел в ящиках стола, а потом я с изумлением увидела бутылку вина и два бокала.

— Что это? — спросила я, и босс ответил очевидное:

— Вино.

Я помолчала. Он открыл бутылку, налил немного вина в один из бокалов и протянул мне.

— Держи.

— Но зачем? Я не хочу.

— Ты весь праздник просидела в приёмной, — в голосе босса прорезалось раздражение. — Выпей хоть немного. Ты вообще умеешь расслабляться?

Он меня поразил этим вопросом. Как это ему в голову пришло? Я ведь всегда улыбаюсь, большинство людей считают, что я в принципе не напрягаюсь.

— Я не хочу, честное слово, — сказала я умоляюще. —

Правда, не хочу. Можно, я пойду домой?

— Нельзя.

Да что же это!

— А что мне тогда делать? — спросила я обречённо. — Ладно, я выпью, если нужно. А потом домой?

Разумовский молчал. Я протянула руку к бокалу, но он почему-то вдруг отставил его в сторону.

— Ты так боишься, что я тебя уволю? — произнёс он с неожиданной насмешкой. — И на обеды согласилась, и песню мне пела, и домой не ушла без моего разрешения, и даже вино готова выпить. На всё готова?

Я не понимала, к чему он клонит, но в любом случае вариант ответа был один:

— На всё.

— Иди к столу.

Я подошла к его образцово чистому, почти стерильному столу, обернулась.

— Нет. Ко мне спиной.

Что за бред?

А-а-а, кажется, я поняла. Опять он меня троллит. Конечно, ему, пьяному начальнику, сам бог велел троллить трезвых сотрудников.

Ладно, была не была... Встала к боссу филейной частью и сразу непроизвольно напряглась. Как оказалось — не зря.

— Теперь нагнись.

Неужели лупить будет? Интересно, ремнём или ладонью?

Вот даже не знаю, что хуже...

Я нагнулась, а потом Разумовский вдруг начал задира́ть мне юбку.

— Что...

— Молчать! — рявкнул он и добавил своё любимое: — Уволю!

Молчу-молчу...

Но всё же — зачем ему поднимать мне юбку? Что у меня там, под юбкой, можно найти интересного? Отчёты по продажам за последнее полугодие я в других местах храню...

Мысль о сексе пришла ко мне в голову самой последней. Слишком уж она была невероятной...

Под юбкой у меня, разумеется, были надеты совершенно не эротичные колготки. Босс спустил их совершенно спокойно, почти как врач, которому что-то мешает добраться до тела пациента. И тут же сжал ягодицы, начал гладить их и мять, словно имел на это право. Я так ошалела, что не могла даже промычать банальное: «Что вы делаете?». И хорошо, что не могла... Это всё равно было очевидно.

Когда Разумовский забрался рукой под трусики и провел пальцем между половинками, я застонала. Было приятно, но и стыдно ужасно...

— Молчать, — голос у босса был хриплым. Палец спустился ниже, а затем стал скользить туда-сюда, туда-сюда... То оглаживая вход в меня, то лаская ягодицы.

Но потом всё же остановился у лона. И водил им по кругу,

отчего я периодически вздрагивала и кусала губы, чтобы не издавать звуков. Приказано было молчать — я и молчала...

Но ощущения... Я никогда не испытывала ничего подобного...

Было так стыдно, но совершенно не хотелось, чтобы Разумовский прекращал...

— Какая ты влажная...

Медленно он ввёл в меня палец. Так медленно, что я непроизвольно всхлипнула.

— И тесная...

Нет, ему обязательно говорить эти пошлости? Я бы выразила свои претензии, но в тот момент было не до них. Одним пальцем Разумовский ласкал меня внутри, а вторым оглаживал чувствительную точку снаружи, и от каждого движения меня будто разрядом электричества пронзало.

Всё быстрее и быстрее. Я уже не молчала — стонала, а босс тяжело дышал. И вдруг всё прекратилось, но лишь на пару секунд — он повернул меня, уложил спиной на стол и начал расстегивать блузку.

Спасибо, что не порвал, никакой другой одежды у меня не имелось. И Разумовский аккуратно расстегнул каждую пуговицу, проявив нетерпение только снимая с меня уже расстегнутую блузку и сдергивая бюстгальтер. А потом наклонился и впился губами в один из сосков. Второй зажал пальцами и начал выкручивать.

— А-а-а... — простонала я. Босс на секунду оторвался от

своего занятия и прошептал:

— Молчи. — Опустил голову, лизнул сосок и сказал очень тихо: — Потрясающая...

Я не поняла, о чём он, и спрашивать не стала. Впрочем, молчать я тоже не собиралась...

— Вла-а-ад... — прошептала я как-то жалобно. Вздрогнула от особенно чувствительного покусывания и схватила Разумовского за плечи. От остроты ощущений хотелось впиться в них всеми пальцами. — Вла-а-ад...

— Нравится?

Вот же тролль... Зачем спрашивать? Всё ведь понятно и так...

— Да, — выдохнула я. — Ещё-ё-ё...

С моей стороны, конечно, было наглостью требовать подобного от босса. Но... весь мой мозг ушёл в этот момент не знаю куда. Хотя нет, знаю...

Но Разумовский, кажется, и не собирался прекращать... Господи, что он вытворял с моей грудью! Как будто она у меня мёдом была намазана... или мороженым. Минут десять Разумовский ласкал только её, а я вертелась на столе, как уж на сковородке. Не удивлюсь, если подо мной уже лужа натекла... Оказывается, сексом пытаться можно. Особенно это его «молчи» — пытка же самая настоящая...

— Леся... милая... сладкая...

Это он правда сказал или мне послышалось? Послышалось, наверное... Слуховые галлюцинации на фоне чрезмер-

но приятных ощущений.

— Хочешь? Леся... скажи, ты хочешь?

— Да-а-а, — простила я, даже не подозревая, на что соглашаюсь.

И тогда он наконец оторвался от моей груди, окончательно сорвал с меня давно уже сползшие куда-то трусики, выпрямился, загремел ремнём. Я только и успела чуть приподнять голову, как Разумовский схватил меня за ноги — и просто насадил на себя.

От вскрика я всё же не удержалась.

В романах мужчины обычно чувствуют такие вещи, но мой босс ничего не почувствовал. Упал на меня и начал двигаться, как одержимый, одной рукой опираясь о стол, а другой сжимая грудь. Я обняла его за плечи, стараясь принорочиться к сжигающим изнутри движениям — и мне, кажется, это удалось... По крайней мере боль ушла, оставив после себя только лёгкий дискомфорт. И я даже почувствовала удовольствие. Не разрывающее на сотни осколков, конечно, но всё же было приятно.

С каждым толчком Разумовский задевал какую-то точку внутри меня, и от неё по телу шла волна тепла. Ощущений добавляли и его руки — я чувствовала их то сжимающими грудь, то ласкающими маленький бугорок прямо над тем местом, где он был во мне.

Движения ускорились, и я поняла — сейчас... Последние толчки, словно пронзающие насквозь, стон и вскрик — и Ра-

зумовский остановился, глядя на меня тёмными, будто бы мутными глазами.

Ну, вот и всё. Сейчас меня уволят.

Но он молчал. Довольно долго молчал, просто смотрел на меня. Сначала в лицо, потом его взгляд спустился вниз, опалая жаром грудь и бёдра. Мне стало неловко, захотелось прикрыться, но я понимала, что это глупо, поэтому не стала. Наверное, смотрит сейчас и удивляется — как вообще умудрился поймать такую страшилую... Неэстетичный вид, да. Не модельный. Кости не гремят, в общем.

Разумовский так долго молчал, что я решила ему подсказать:

— Я уволена?

Брови босса поползли вверх.

— Нет.

Тут уже удивилась я.

— Но...

— Ты можешь помолчать? — выдохнул он. — Я после такого мощного оргазма еле соображаю.

— Опять молчать? Во время секса молчи, после тоже молчи...

— Да! — зарычал он и толкнулся бедрами вперёд. Я тут же вспомнила, что Разумовский до сих пор не вышел из меня, и охнула. А он как-то зловеще улыбнулся, наклонился и сказал: — По-моему, я кое-что упустил.

И поцеловал меня. Наверное, пытался подобным образом

заставить замолчать. И ему это удалось...

Невероятный поцелуй. Не поцелуй, а половой акт какой-то... Его губы терзали мои, язык ласкал и утешал их, и я чуть не улетела в космос.

Но всё хорошее когда-нибудь заканчивается. И Разумовский отстранился, вышел из меня и сделал шаг назад. Секунда молчания — а потом недоуменный вопрос:

— Олеся, что это?

Я приподнялась на локтях. Босс сжимал в руке снятый презерватив. В темноте — единственным источником света по-прежнему оставался монитор — я плохо видела, что там не так, но мне и не надо было видеть.

Всё понятно...

— Поранились, наверное.

— Олеся! — взревел он, швыряя презерватив в мусорку. Ой, зря... Уборщицы тоже люди. — Ты почему не сказала?! Хороший вопрос.

— Вы сами велели мне молчать, — не смогла не съязвить напоследок. Всё равно ведь уволит...

Губы его дрогнули. А потом Разумовский шагнул вперёд и обхватил ладонями моё лицо. Пальцы зарылись в волосы, лаская их, и это было безумно приятно.

— Дурочка ты, — вздохнул он. — Прости... Прости меня... Я просто выпил лишнего, а потом увидел тебя... Давно ведь могла уйти сегодня, а сидела в приёмной, как будто я рабовладелец... Я просто проучить тебя хотел, чтобы ты не

спешила выполнять всё, что я скажу. Ты сказала, что на всё готова, и я просто хотел, чтобы ты поняла — нельзя так отвечать, Леся! Я не собирался... Просто не смог остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.